

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Д.

19.06.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), Ибряновой Г.А. (участвовала дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 19.06.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 21.08.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Д. послужило обращение судьи Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга Васильевой Е.А., поступившее в АП СПб 05.08.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.08.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 19.12.2024 адвокатом Д. допущено нарушение взаимосвязанных требований:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *«Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»;*

- подп. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом».*

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете

АП СПб на 19.06.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, о причинах неявки не сообщили, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив заключение Квалифкомиссии, **приходит к следующему.**

Квалифкомиссия установила, что в производстве Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга находились материалы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого А.А-С.Н..

Защиту обвиняемого в порядке ст. 51 УПК РФ на основании ордера от 26.03.2024 осуществлял адвокат Д. Рассмотрение ходатайства следователя судом было назначено на 02.07.2024 на 14.00 час.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что в ходе дисциплинарного разбирательства не нашли подтверждения доводы жалобы о том, что в судебном заседании во время нахождения судьи в совещательной комнате в связи с ходатайством А.А-С.Н. об отводе судьи, адвокат Д. нарушил правила общения с обвиняемым, находящимся под стражей, в результате чего после двух замечаний, сделанных адвокату сотрудниками конвойной службы, Д. без объяснения причин покинул зал судебного заседания, пояснив, что далее участвовать в судебном заседании не будет.

В обращении суда не указано, какие именно «правила общения» с обвиняемым, находящимся под стражей, нарушил адвокат, как эти нарушения были зафиксированы; доказательства этого нарушения заявителем не представлены.

Адвокат Д. не признаёт того, что он нарушал что-либо при общении со своим подзащитным в зале судебного заседания, утверждает, что не пытался передавать подзащитному, содержащемуся под стражей, какие-либо документы или предметы, никаких актов о нарушении адвокатом норм поведения в зале судебного заседания сотрудники конвойной службы не составляли.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией исходит из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровергнуть которую лежит на заявителе, и в данной части считает, что презумпция добросовестности адвоката Д. не опровергнута, в действиях адвоката отсутствуют нарушения норм законодательства об адвокатуре.

Оценивая доводы обращения о том, что по возвращении суда из совещательной комнаты адвокат отсутствовал в зале судебных заседаний; постановление об отказе в отводе судьи было провозглашено без защитника; продолжение судебного заседания было невозможно в отсутствие адвоката Д., по этой причине в заседании был объявлен перерыв для выяснения причин ухода адвоката, Квалифкомиссия обоснованно исходила из того, что сам адвокат Д. не отрицает, что действительно до окончания судебного заседания он ушёл не только из зала судебных заседаний, но и из здания суда. Объяснения адвоката в этой части подтверждают доводы обращения суда о том, что в здании суда адвокат Д. обнаружен не был.

Квалифкомиссия верно отметила, что в оставшейся части судебного заседания адвокату Д. следовало высказывать отношение стороны защиты к иным рассматриваемым ходатайствам, в том числе и к ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемому А.А-С.Н., в связи с чем участие адвоката в судебном заседании

являлось обязательным.

Доводы адвоката Д. о том, что после ухода из суда он не получал никаких сообщений или телефонных звонков из суда, опровергаются представленными судом справками.

Доводы адвоката о том, что после его удаления из зала судебного заседания он не знал, как поступить, так как, по его мнению, ни один нормативный акт не разъясняет, как должен действовать адвокат после удаления его из зала суда, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией оценивает критически, так как адвокат Д. является профессиональным юристом – независимым советником по правовым вопросам и поэтому не может ссылаться на незнание или недостаточное понимание нормативно-правовых актов, регламентирующих поведение адвоката в той или иной ситуации. Кроме этого, сам факт удаления адвоката из зала судебного разбирательства в ходе дисциплинарного разбирательства не нашёл своего подтверждения, Квалифкомиссией установлен не был.

Квалифкомиссия верно указала, что адвокат Д. не предпринял никаких действий по фиксации нарушения его профессиональных прав и неправомерного, по его мнению, поведения сотрудников конвойной службы или суда, а просто ушёл из суда, то есть оставил своего подзащитного без защиты в судебном заседании, продолжившемся после оглашения судом постановления об отказе в отводе судьи.

Кроме того, адвокат Д. не представил в подтверждение данных им пояснений каких-либо документов, свидетельствующих об ухудшении его здоровья в день судебного заседания 02.07.2024, и/или удостоверяющих факт обращения в этот день к врачу за медицинской помощью, что могло бы быть признано уважительной причиной его ухода из здания суда до окончания судебного заседания.

Соответственно, у Совета АП СПб вслед за Квалифкомиссией имеются объективные основания считать, что адвокат Д. самоустранился от защиты обвиняемого А.А-С.Н., чем нарушил положения законодательства об адвокатуре.

При указанных обстоятельствах в действиях (бездействии) адвоката Д. Квалифкомиссия усмотрела нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, подп. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 14 КПЭА, содержание которых было приведено выше.

Совет АП СПб не может согласиться с выводами Квалифкомиссии относительно квалификации допущенного адвокатом Д. нарушения, поскольку Квалифкомиссия не учла следующее.

Совет АП СПб придерживается ранее сформулированной им позиции и отмечает, что предписания подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре имеют обеспечительный характер и назначение и направлены на охрану прав и интересов доверителя, поэтому только доверителю, вступившему в фидуциарные договорные отношения с адвокатом на основании соглашения об оказании юридической помощи, предоставлено исключительное право оценивать качество исполнения адвокатом этой обязанности.

В отсутствие в материалах настоящего дисциплинарного дела данных о наличии у доверителя адвоката Д. – А.А-С.Н. каких-либо претензий к оказываемой ему адвокатом правовой помощи, в том числе и при обстоятельствах, указанных в обращении судьи Васильевой Е.А., квалификация действий (бездействия) адвоката Д. по данной норме является необоснованной; поэтому ссылку на неё необходимо исключить.

Квалифицируя бездействие адвоката Д. в соответствии с установленными Квалифкомиссией фактическими обстоятельствами, Совет АП СПб приходит к выводу, что покидание адвокатом судебного заседания до его окончания без уважительных

причин представляет собой ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей (подп. 1 ст. 8 КПЭА) и неуважение к суду (абз. 1 ст. 12 КПЭА: «Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду ...»).

В остальной части приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

С учётом изложенного Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. в указанной части дисциплинарных претензий опровергнутой, а его вину в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей – установленной.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Д. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает, что это нарушение совершено адвокатом Д. умышленно, но не признаёт его тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется. Кроме этого, Совет АП СПб учитывает обстановку, в условиях которой было совершено нарушение.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Д. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

- подпункта 1 статьи 8 и абзаца 1 статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.